

Гену Касмынина – Геннадия Григорьевича – я вспоминаю не иначе, как богатыря земли русской. Крупный, осанистый, косая сажень в плечах, он производил впечатление сильного, обстоятельного, уверенного в себе человека.

Родился Геннадий в апреле 1948 года в селе Казачка Саратовской области. После школы работал в колхозе, служил во внутренних войсках (отсюда у меня, начальника отдела литературы журнала внутренних войск “На боевом посту”, всегда был особый интерес и к нему самому, и к его творчеству), окончил очное отделение Литературного института им. М. Горького. Занимался в семинаре Льва Ошанина, который к нему относился по-доброму, а вот ученик к своему учителю – достаточно критично, хотя отдавал должное особому таланту знаменитого поэта – песенному.

Сближало нас с Геноей ещё и то, что из Звенигорода он перебрался в мой родной подмосковный городок Реутово, вселился в небольшую “хрущёвского типа” квартиру, в которой до него жил Николай Иванович Тряпкин.

Ко времени нашего знакомства Геннадий готовился разменять тридцатник, выпустил в “Молодой гвардии” две поэтические книжки, участвовал в VI Всесоюзном совещании молодых писателей, был принят в СП и стал работать редактором в издательстве “Современник”. Я же в ту пору заочно учился в Литинституте в семинаре у Старшинова и довольно часто бывал в “Молодой гвардии”, в альманахе “Поэзия”, которым руководил Николай Константинович. Здесь было всегда интересно: приходили поэты разных поколений и “литзаслуг”, завязывалось обсуждение поэтических новостей, возникали острые споры. Примерно в то же время я познакомился там со своими сверстниками – с Александром Щуплевым, Геннадием Красниковым (они работали вместе со Старшиновым), Павлом Калиной, Николаем Дмитриевым, Владимиром Ведякиным, Александром Бобровым, Ольгой Ермолаевой, Григорием Калюжным...

Как правило, все приходили к Старшинову в день его рождения или на Николу-зимнего в первой половине декабря. На общем фоне Касмынин выделялся не только богатырской статью. Он был напорист и неуступчив в суждениях, и жестом, и голосом воздействуя на оппонента.

В молодом окружении Старшинова Касмынин соперничал, пожалуй, только с Дмитриевым. И, несмотря на особо трепетное отношение Николая Константиновича к своему младшему тёзке, старался не уступать тому ни в чём. Впрочем, Старшинов ведь не зря написал: “Геннадию Касмынину как поэту многое дано. Очень радуется меня, например, не только его ощущение природы

как близкого, живого существа, но и способность выразить своё отношение к ней хорошими и проникновенными стихами... Его будущие успехи зависят теперь от его чисто человеческих качеств — от работоспособности, от требовательности к себе, от того, как дальше он сумеет построить свою биографию”.

С биографией у Касмынина всё обстояло довольно-таки просто и, наверное, обыденно: ещё в институте он познакомился с будущей женой — Саидой Фёдоровной, у них родился Дениска; из издательства Гена перешёл работать в журнал почти с тем же названием — “Наш современник”, стал заведовать отделом поэзии. С требовательностью к себе тоже всё обстояло нормально. Терпимо он относился и к товарищеской критике. Помнится, даже просил в первую очередь говорить о тех стихах, которые не понравились и почему. А работоспособности ему всегда было не занимать. Одна за другой стали появляться солидные книги: “Вещий камень” (1981), “Не говорю: “Прощай!” (1985) — половиной авторских листа, “Однажды и навсегда” (1987).

Он словно куда-то торопился, хотел как можно скорее и полнее выговориться. А эта дорога при любом несомненном таланте скользка и обрывиста. У единиц получается пройти, не споткнувшись и не упав. Чаще всего у тех, кто по тем или иным причинам засиделся “в девках” — вышел к читателю поздно, накопив изрядный поэтический багаж. Были свои неудачи и у Геннадия, хотя... У иного маститого стихотворца за всю его многолетнюю и многокнижную жизнь не наберёшь и десятка приличных стихов. А Касмынин не стоял на месте, пусть трудно, но прибавлял. Чтобы не быть голословным, процитирую хотя бы вот это стихотворение из “Вещего камня”:

*Сказал бы тот, кто встречи наши
Как бы случайно подсмотрел:
Ты полюбила — стала краше,
Я полюбил — и постарел.*

*Какой любовью ты хранима?
Каким несчастьем я раним?
Меняемся необъяснимо
И перемен не объясним.*

*Тут кто-то высший поработал
И справедливым был вполне:
Весь блеск любви тебе он отдал.
Всю тяжесть чувств оставил мне.*

По-моему, замечательно. Тем более, что произошло стихотворение на том поле, где всё, казалось бы, пето-перепето.

Вслед за “современниковским” томиком “Однажды и навсегда” должна была появиться книга “Дни и сумерки”. Она была набрана в издательстве “Молодая гвардия”, но так и не увидела свет. В брошюрке “Эти дни в октябре”, выпущенной “Рекламной библиотечкой поэзии” в 1994 году, сам поэт объяснял это так: “Перестройка была в самом разгаре. С 1987 года не издал ни одной книги, хотя время от времени в еженедельнике “Литературная Россия”, газете “День” появлялись стихотворения, написанные по следам времени”.

Его последней прижизненной книгой стала книга “Гнездо перепёлки”, изданная редакцией журнала “Наш современник” в 1996 году. Этот сборник не просто итожит значительный отрезок творческого пути автора. В нём, как отмечалось и критикой, и собратьями по перу, зримо проступали контуры нового, лирико-философского этапа касмынинской поэзии, что, несомненно, являлось признаком и зрелости, и нарастающей силы таланта. В этом опять же не трудно убедиться хотя бы на таком примере:

*Иван летел на страшной птице
В страну своих счастливых грёз
И, чтоб в полёте не разбиться,
Чтоб птице было чем кормиться,
С водой и мясом бочки вёз.*

*Когда на нет сошли запасы
И стал слабеть крылатый свей,
Он дал ей собственного мяса
И кровью напоил своей.
Почти столетье подвиг длится.
Земля молчание хранит.
Ивана нет... И только птица
Куда-то всё ещё летит.*

“Геннадий Касмынин — большой, красивый, открытый человек, — написан в аннотации. — И поэзия его, плотная, мускулистая, открыта всем ветрам времени. . . Для поэта нерушимо означены высшие духовные ориентиры — Россия, народ русский, его печали и надежды. “Добру и злу внимая равнодушно. . .” — не для искренней, честной, ранимой и праведной, органично патристической музы Геннадия Касмынина”.

И это подтверждали многие его стихи. Я же, чтобы не быть голословным, приведу одно — “Щиты”, с которым Геннадий познакомил меня вскоре после написания, но которое не могло появиться на страницах моего ведомственно-правоохранительного издания:

*Над Москвой тишина после боя.
Смыта кровь и погашен огонь.
Тихо-тихо летит неживое —
Белый пепел, угарная вонь.
Занимается день золотистый,
Золотятся вокруг купола...
Ты была и святой, и пречистой,
Только подлой ещё не была.
Но отныне тебе не отмыться
От расправы... Позволила ты,
Чтоб детей твоих разных, столица,
Развели и столкнули щиты.
Не толпа безоружная, помнишь,
Начинала расплёскивать кровь...
И тогда не пришла ты на помощь,
И теперь ты молчишь про любовь.
И не слышишь предсмертного стона,
От расстрельной победы пьяна,
Кольцевую дорогой (как зона
Зачумлённая) обнесена.
А щиты — это выдумка власти,
Чтоб с народом ограбленным жить,
Рассекать на удобные части
И хватать! и сажать! и гвоздить!*

Касмынин не был бы Касмыниным, если бы помалкивал в тряпочку, не откликался со всей своей страстностью на происходящие мерзости в российской жизни, или, говоря его словами, в них не просматривались бы “следы времени”. Помнится, мы даже как-то поцапались на этой почве. Я принёс в “Наш современник” подборку новых стихов. Бегло посмотрев, он принял меня отчитывать: “Всё лирика, цветочки. . . Э, нет, брат! И без тебя полно охотников тискать всякого рода фигли-мигли. Ты давай-ка, неси что-нибудь о паскудном нашем времени”. И, переходя на дружеский лад, неожиданно процитировал строчки из моего стихотворения, напечатанного в журнале:

*...И, погружаясь в сонные огни,
я вижу поколение своё
оглохшим от словесной трескотни
и без борьбы уставшим от неё.*

“Вот и давай в том же духе!”. А затем со своей располагающей и вместе с тем хитровой улыбкой добавил: “Боевых стихов у нас маловато. . .”

Я вот студию молодёжную замыслил. Подобрал хороших начинающих ребят, работаю с ними. Хочу, чтобы писали в остросоциальном ключе. Учились у Некрасова, фронтовиков, да и у нас, грешных, когда перестаем щебетать об одних только ягодках-цветочках. . . ”

И тем не менее, ярость обличительства постепенно отступала. Появлялись новые стихи — плоды искреннего сочувствия простым людям, ввергнутым в бесправие и нищету, глубокого понимания происходящего. Не случайно признавался потом Юрий Кузнецов в том, что многие стихи из последней прижизненной книги Касмынина стали для него настоящим открытием. Он потом вернулся к этой оценке, когда в начале нового века представилась возможность составлять, редактировать и выпускать новую поэтическую серию в издательстве “Голос-Пресс”. Под первым номером он поставил томик “выдающегося русского поэта Геннадия Григорьевича Касмынина “Берёза над обрывом”.

“До этого я видел Касмынина как одного в ряду многих небесталанных, но тут он явно выдавался из ряда, — писал в предисловии Кузнецов. — Он взломал бытовую ограниченность, присущую прежним стихам, и обрёл большое дыхание. Образность уплотнилась, пространство смысла расширилось, а слово заиграло самоцветными гранями. . . Когда я ему говорил, что его звезда взошла где-то между Тряпкиным и Рубцовым, он улыбался, как дитя: “Ты это серьёзно? — Серьёзней и быть не может, а точнее время скажет”.

А заканчивал Юрий Поликарпович таким утверждением: “Насколько его стихи жизнеспособны, покажет только время, но, надеюсь, долгие годы им обеспечены. Иначе и быть не может. Иначе плохо будет младому незнакомому племени без касмынинской совести”.

На этом, казалось бы, и следовало поставить точку. Но мне хочется завершить разговор о своём покойном товарище всё-таки его строками:

*Жизнь уходит в неглавные вещи,
Превращается в пыль и песок,
И уже туповато-злоеще
Повествует о сроках висок.*

*Настаёт, приближается, длится
Отрицание прожитых дней:
Тронешь ветку — повалятся лица
Через кольца годичные пней.*

*А картины? А мысли? А книги?
А заводы? Мосты? Корабли?
Это всё — на скелете вериги,
Упаковка обычной земли.*

*Успокойся, не думай про это,
Помолись и унынье развей,
Человек, прибавляющий света
Керосиновой лампой своей.*